

Кондратий Биркин

Царь Иван Васильевич Грозный

*Часть сборника
Временщики и фаворитки*

Временщики и фаворитки

Кондратий Биркин

Царь Иван Васильевич Грозный

«Public Domain»

1870

Биркин К.

Царь Иван Васильевич Грозный / К. Биркин — «Public Domain»,
1870 — (Временщики и фаворитки)

«Горе – пробный камень души человеческой и необлужное мерило нравственных сил человека. Под бременем одной и той же скорби один падает, другой даже не поколеблется; этот смиряется пред промыслом Божиим, тот безумно ропщет; иной ищет утolenия скорби в слезах и благотворениях ближним... Бывают и такие люди, которых горе ввергает в омут распутства и злодейств...»

Кондратий Петрович Биркин Царь Иван Васильевич Грозный

Сильвестр и Адашев— Черкесская княжна Марья Темрюковна. — Опричники. — Басмановы. — Малюта Скуратов. — Марфа Васильевна Собакина. — Мария Ивановна Долгорукая. — Анна Колтовская. — Анна Васильчикова. — Василиса Меленьтьева. — Марья Федоровна Нагих (1560–1584)

Горе — пробный камень души человеческой и необлужное мерило нравственных сил человека. Под бременем одной и той же скорби один падает, другой даже не поколеблется; этот смиряется пред промыслом Божиим, тот безумно ропщет; иной ищет утolenия скорби в слезах и благотворениях ближним... Бывают и такие люди, которых горе ввергает в омут распутства и злодейств.

Последнее случилось с царем Иваном Васильевичем Грозным после кончины царицы Анастасии Романовны. Навеки сомкнулись уста кроткой советницы, побуждавшей царя на все доброе и предостерегавшей его от злого; охладела рука, которая вела государя путем правды; померкли очи, взгляд которых имел такое могучее, укротительное влияние на этого грозного царя...

Пропели «вечную память» Анастасии; замерли звуки погребальных колоколов, и несколько дней после кончины своего ангела-хранителя видел царь во всем мире унылую пустыню и горькими слезами оплакивал невозвратную свою потерю и тоскливое одиночество. Вместе с этими чувствами в скорбящей его душе возникло подозрение на окружавших в невероятной вине изведется лихим зельем покойной царицы. Не осмеливаясь роптать на Бога, Грозный негодовал на людей; не довольствуясь собственными слезами, он задумал оросить свежую могилу Анастасии кровью невинных жертв и справить по ней языческую тризну. Мысль, что Анастасия скончалась не от болезни, но от яду, быстро укоренилась в сердце царя и превратилась в твердое убеждение. Кто же мог быть отравителем Анастасии? Подняв заплаканные, но грозные глаза на окружающих, царь остановился на недавних своих друзьях Сильвестре и Адашеве и решил, что кроме их злодеями царицы быть некому... Здесь нелишним считаем привести и сопоставить сказания о них князя Курбского и самого Грозного. Первый говорит, будто удалению от двора Сильвестра и Адашева много способствовали наушники бояре, которым недавние друзья царевы мешали в злоупотреблениях и плутнях, и злодеи не задумались оговорить добрых советников царских в отравлении Анастасии. Царь поверил! Обвиняемые требовали суда, очной ставки с клеветниками, но последние от очных ставок уклонились; не допустили обвиненных и до государя, опасаясь чародейства. Собор, составленный из личных врагов Сильвестра и Адашева, присудил первого к заточению в Соловецкий монастырь, второго к ссылке в Ливонию, где он и скончался в городе Юрьеве (Дерпте). «Отравился!» — донесли царю те же бояре. Анахронизм, в который впал князь Курбский в этом повествовании, заставляет усомниться в его правдивости: Сильвестр и Адашев были удалены от двора еще при жизни царицы Анастасии, первый вначале, а второй в мае 1560 года.

Оправдываясь перед Курбским, Иван Грозный писал о Сильвестре и Адашеве другое. «Видя измены бояр (говорит Грозный в своем послании), я взял из ничтожества Алексея Адашева, сравнял его с вельможами и осыпал милостями; за Адашевым следовал поп Сильвестр. Последний начал службу хорошо, и во всем, что касалось духовных дел, я ему повиновался. Впоследствии Сильвестр стал вмешиваться в дела мирские и образовал собственную партию. Заодно с Адашевым он прибрал к рукам все государственные дела, считая меня, видно, слабоумным; тот и другой стали повелевать боярам; жаловать одних, обижать других; отменять законы, вводить новые статьи в существующие уложения. Им помогал князь Димитрий Курлятев, и вскоре все части государственного управления доверены были их друзьям-приятелям...

Нам ни о каких делах и не докладывали, как будто нас и не было; наши мнения разумные они отвергали, а их и дурные советы были хороши». Так действовали (по словам Грозного) Сильвестр и Адашев во внешних делах, во внутренних же совершенно лишили царя его воли: распределили ему часы отдыха, выхода, назначили, в какое одеяние когда облачаться. «В летах совершенных не захотел я быть младенцем. Потом вошло в обычай: я не смею слова сказать ни одному из самых последних его советников; а советники могли мне говорить, что им было угодно, обращались со мною не как со владыкою или даже братом, но как с низшим; кто нас послушается, сделает по-нашему, тому гонение и мука, кто раздражит нас, тому богатство, слава и честь. Попробую прекословить, и вот мне кричат, что и душа-то моя погибнет, и царство-то разорится». Эти подлинные признания царя, не лишённые своего рода юмора, отголоски тех мыслей, которые волновали его после смерти царицы Анастасии. В недавних заслугах добрых и честных советников он видел зло и коварство. Зачем же царь повиновался Сильвестру и Адашеву при жизни Анастасии; почему ранее он не смотрел на них, как на вредных временщиков? Ропот Ивана Васильевича на обоих героев и сподвижников царицы напоминает жалобы человека, больного запоем, на людей, удерживающих его от питья. В обвинениях, возводимых Грозным на Сильвестра и Адашева, именно звучат нотки, которые случается слышать в жалобах больного на своего доктора или школьника на учителя. Тяготясь диетой, больной видит в своем враче деспота и зложелателя; школьник, удерживаемый учителем от вредных шалостей, всегда называет его своим тираном, чуть не злодеем. Но больной по избавлении своем от недуга благословляет врача; школьник, перестав быть таковым и сделавшись человеком, с благодарностью вспоминает о своем наставнике. Не то было с Грозным: потеряв жену, удерживавшую его от зла, он спешил избавиться от двух ею избранных опекунов, чтобы свободно предаться бурным страстям и ужасному своему кровавому запою! Разве не школьническая жалоба слышится в словах Ивана Васильевича в его рассказе о возвращении из казанского похода? Я победил врагов, говорил он, а Сильвестр и Адашев, усадив меня на корабль с малым числом людей, как пленника (?) везли сквозь безбожную и неверную землю. Затем Грозный вспоминает об измене бояр во время его болезни: подобно всем прочим, Сильвестр и Адашев, не признавая наследником царя его сына, хотели избрать ему в преемники двоюродного его брата Владимира Андреевича... Возненавидели царицу Анастасию! Во время войны с Ливонией Сильвестр со своими советниками восставал за нее на царя, и чуть постигала царя, царицу или детей их болезнь, говорил, что это наказание Божие за их непослушание. Следующие слова Грозного, едва ли не единственные, запечатленные истиною: «Как вспомню тяжкий обратный путь из Можайска с больною царицею Анастасиею? Единого рода малого слова непотребна. Молитвы, путешествия по святым местам, приношения и обеты ко святым о душевном спасении и телесном здравии – всего этого мы были лишены лукавым умыслом; о человеческих же средствах, о лекарствах во время болезни и помину не было!» Тогда-то царь, окончательно выведенный из терпения Сильвестром и Адашевым, удалил их от своего лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.